

Язык до Франкфурта доведет. А до Москвы?

Общая газ. - 1995. - Маршруты Валерии Нарбиковой
4 сент. - с. 10.

Франкфуртское издательство «Зуркамп» выпустило красивой красной книжкой немецкий перевод романа Валерии Нарбиковой «Шепот шума». Как сообщила газета «Франкфуртер Альгемайне Зонтагсцайтунг» (а вслед за нею и наше «Книжное обозрение»),

у немецкой публики, собравшейся на премьеру книги, во время чтения отрывков из нее «просто перехватило дыхание». А как сегодня звучит проза Нарбиковой в отечественном литературном контексте?

Владимир НОВИКОВ

ЗЫВАЮТ писатели, не просто пользующиеся родной речью, но создающие на ее основе собственный и особенный язык. Такие писатели не лучше и не хуже прочих — просто они другие, и прочесть их невозможно иначе, чем мысленно переводя каждую фразу с их языка на свой, читательский. Так работали, например, Ремизов, Замятин, Платонов, произведения которых никогда не были и не будут массовым чтением. Из наших современников в первую очередь назову петербуржца Виктора Соснору, говорящего о себе «латынь моих бумаг», «так в моем санскрите текста» и т. п. Действительно, владеть языком Сосноры — примерно то же, что знать латынь или санскрит; среди критиков таким «ноу-хау» обладают три-четыре человека в Питере да двое-трое в Москве. И тем не менее многие берутся оценивать и ругать! Это все равно что лингвист сказал бы: не владею немецким языком, но мне он не нравится.

Нечто подобное происходит и с восприятием нарбиковской прозы. Имя писательницы достаточно регулярно мелькает в прессе: о всех ее отъездах и приездах извещают нас журналисты светской хроники, не имеющие в виду большой занятости ни минуты времени для чтения каких бы то ни было книг. Нарбикову постоянно склоняют то в ругательном, то в хвалительном падеже критики разных ориентаций, но более или менее внятного разбора текстов решительно не припомню. Чтобы обвинить писательницу в «непристойности», наиболее чутким ревнителям нравственности достаточно было вырвать из контекста какую-нибудь фразочку типа «Ей хотелось известно чего известно с кем». Но разве не чувствуется даже в этом крошечном речевом отрезке, что для автора упоминание о чьих-то любовных шашнях — лишь повод и материал для словесного жеста, для лингвистической игры? Не знаю, насколько импонирует самой Нарбиковой ярлык «эротической» писательницы, но лично мне он кажется неадекватным и сбивающим с толку. Эротика в ее произведениях не больше, чем в литературе вообще, чем в самой, так сказать, реальной действительности. Все дело не в том, что описывается, а в том, как.

«Эта попытка длилась полночи, и полночи прошло наяву, а полночи во сне, и во сне дли-

лась эта попытка, только мир, который наяву был снаружи, во сне почему-то был внутри. И если наяву было совсем непонятно, что делать с этим миром снаружи, то во сне совсем было непонятно, что делать с этим миром внутри». Такое, как сказали бы в старину, «плетение словес» преследует цель непростую и серьезную. Расщепляя слово, варьируя ритм, Нарбикова стремится развернуть перед читателем весь спектр тех мгновенных ощущений и эмоций, которые люди обыкновенно оставляют без внимания, забывают, пропускают. Пропускают в спешке и хлопотах свою неповторимую, ни на чью не похожую жизнь. Услышать в житейском шуме шепот вечности — вот, собственно, в чем смысл названия последнего романа, да и, пожалуй, общая стратегия прозы Нарбиковой.

Войти в эту прозу нелегко, поскольку сюда нельзя заходить вооруженным: жесткие моралистические установки, однозначные принципы и прочие колющие-режущие предметы придется оставить за порогом. Нарбикова рассчитывает на читателя, способного любую ситуацию рассмотреть сразу с нескольких точек зрения. Только так можно вжиться в историю художницы Веры, понять ее, что называется, неоднозначные отношения с мужем Дюном Жаном, галеристом Нижиним-Воховым, отцом Нижина-Вохова по имени Свя. Если начнешь подсчитывать отрицательные и положительные черты персонажей, неизбежно попадешь впросак, потому что мы имеем дело не столько с житейскими характерами, сколько с мифологизированными фигурами. Нравственно ли вступать в любовные отношения с отцом и сыном одновременно? Вопрос просто неуместен: может быть, Нижин-Вохов и Свя — это не реальные сын и отец, а две ипостаси, два возраста одного человека. Недаром Свя является на свидание с того света, а в финале романа дисциплинированно возвращается на кладбище и забирается в могилу. Что сие означает? Да то, что, вступая с человеком в контакт, ты сталкиваешься не только с его настоящим, но и с прошлым, и с будущим. В рамках обыденности это не очень ощутимо, но в масштабе жизни — от таких вещей никуда не денешься.

Нарбикову не поймешь на слове, ее прихотливая речь не допускает буквальных толкований. Философическая ироничность достигает порой предельной изощренности: «А люди величественны, и человек — это величина, но разве человек — постоянная величина. Или эта

величина имеет погрешности? И вдруг добро — это такая же погрешность, как и зло». Поначалу думаешь, что здесь не хватает пары вопросительных знаков, а потом понимаешь, что автор ни о чем никого не спрашивает. Автор так много знает об этой жизни, что собеседник ему как бы и не очень нужен. Сложные мы, однако, существа — творцы, художники, артисты. Автору романа остается только мысленно присоединиться к вечному В.В. Розанову и вместе с ним вздохнуть: «Не выходите, девушки, замуж ни за писателей, ни за ученых. И писательство, и ученость — эгоизм... Выходите за обыкновенного человека, чиновника, конторщика, купца, лучше всего за ремесленника». Ну, и так далее.

Однако и на самого глубокомысленно-ироничного мудреца довольно простоты. В.В. Розанов большой мастер слова и фразы, но из приведенной цитаты торчит непомерная гордыня, чтобы не сказать — самодовольство. Как ни странно, в чем-то наивное. Ибо к концу двадцатого столетия культ «писателей» и «ученых» в России взял да и вдруг исчез. Девушки за них замуж особенно не стремятся, а уж извинять эгоизм им больше никто не склонен. И если на Западе еще продолжают по старинке изучать метафизику русской души по изломам богемно-интеллигентского быта, то российскому читателю из числа тех самых «обыкновенных людей» уже хочется чего-то поновее. Пусть уж хоть и о ремесленниках.

Понимаю, что для Нарбиковой стиль важнее темы. Но возникает противоречие между остроумной стилистикой и некоторой старомодностью материала. Увы, жизнь артистической среды сегодня не отличается ни свежестью, ни парадоксальностью. Эта площадка не очень подходит для нравственно-философских экспериментов с глобальными выводами. Ритм настоящей, непредсказуемо-таинственной жизни перескочил в другие сферы. Какие именно? Если бы знать! Выход, конечно, не в том, чтобы печь горячие пирожки криминальных романов о президентах и резидентах или шарить по дну жизни в поисках философствующих бомжей. И это устарело. Пришла пора открывать совсем новые и неожиданные предметы для описания и исследования. И подлинная оригинальность стиля будет поверяться его способностью проникать в неведомое. «Поэта далеко заводит речь», — сказано у Цветаевой. Куда теперь заведет речь прозаика Валерию Нарбикову?